Александр Кашенцев

книга 2. Дроги войны. Дан приказ ему на запад. Самурай

Александр Кашенцев

книга 2. Дроги войны. Дан приказ ему на запад. Самурай

«Автор»
2026

Кашенцев А. П.

книга 2. Дроги войны. Дан приказ ему на запад. Самурай / А. П. Кашенцев — «Автор», 2026

Зимой 1943 года две девушки из села Романовка Грозненской области по приказу Партийного Комитета направляются в район Моздока для сооружения противотанкового рва. Попав под бомбежку они получают легкие ранения и направляются в госпиталь, чем сохраняют себе жизнь, но военный трибунал осуждает их за оставление рабочего места к принудительным работам.

© Кашенцев А. П., 2026
© Автор, 2026

Александр Кашенцев
книга 2. Дроги войны. Дан приказ ему на запад. Самурай

ЧАСТЬ 1

«Дан приказ ему на запад …» слова из песни.

ГЛАВА1

Родина зовет

Декабрь 1942 года для Советского Союза выдался тяжёлым, немецкие орды рвались к нефтяным промыслам Грозного и Баку. С большим трудом наши войска сдерживали фашистов под Моздоком. В этом же году в срочном порядке была построена железнодорожная ветка Баку – Гудермес, по которой из столицы АССР в Астрахань пошли нефтеналивные составы.

Небольшое село Николаевское расположенное на притоке Терека бурной ручке Таловка, рядом небольшой районный городок Кизляр Грозненской области. Через речку построен железнодорожный металлический мост, который охраняют солдаты зенитной батареи. Немецкие самолеты часто совершают налеты на стратегически важный объект, по которому шли составы - нефтяники на Астрахань, та что защитникам приходилось всегда быть начеку.

В 1927 году общим собранием колхозников хутор был переименован в «Рассвет Коммунизма» или просто Рассвет. Но пожилые казаки его так и называли Николаевкой. Десятка два хат из обмазанного глиной камыша с большими огородами и садами, вот и все село. Недавно выстроенный сельсовет с большим колхозным двором в котором сараи для быков, которых запрягали в телеги. Колхозники в основном занимались виноградарством, но имели и большое стадо коров и баранов. В центре села рядом с колодцем располагался клуб, где по выходным показывали фильмы, привозимые молодым пареньком водителем Владимиром Нарышкиным и по совместительству киномехаником, на старой полуторке с будкой. Здесь же и проводились после показа картин и танцы. Местные рыбаки ставили в речке сети в которые ловили сомов или осетров, что являлось существенной прибавкой к скудным трудодням колхоза.

Приезд кинобудки являлся праздником для сельчан, ведь вместе с водителем из Кизляра передавали почту и свежие газеты, также привозила товары первой необходимости и одежду женщина из Промторга. Назад она забирала сметану, творог молоко куриные яйца и шерсть которые в городе сдавала в Райпотребсоюз.

Декабрьской ночью опять прошел небольшой снежок, но день обещал быть ясным. Взошедшее солнце осветило искрящее снежное покрывало. Хозяйки, подоив коров и задав им корма с ведрами полными молока, по расчищенным дорожкам спешили в теплые избы. Пожилые мужчины задавали корм птице и свиньям. Дети, одетые в телогрейки с чужого плеча, подпоясанные веревками и в больших валенках шапках – треухах с сшитыми сумками, куда слаживали учебники собрались на околице где их должна собрать телега, запряжённая быком и отвезти в соседние село Романовскую в школу, со смехом обсыпали друг друга снегом.

В самом центре хутора находилось подворье Тихона Кузнецова, прадед которого и основал село. Сам Тихом был крепким лет семидесяти казаком, который в строгости держал многочисленную семью, его жена Валентина родила ему шестерых детей: двоих сыновей Павла и Семена и троих дочерей Марфу, Анну и Любовь. Дочерей всех выдал замуж. Павел и Семен так же женились, жили отдельными дворами, правда Павла забрали на фронт, а Семена зарубила банда, собранная из белоказаков, которые пришли грабить село, правда НКВД потом поймали почти всех и расстреляли. Тихон сейчас жил с женой и невесткой Марией, внучкой Аннушкой, девушкой на выданье семнадцати лет от рода. Которая с отличием окончила четырехлетнюю

школу, комсомолкой и активной помощницей самого председателя сельсовета, красавицей на которую засматривались многие молодые казаки села. Правда фигура у девушки не удалась, несмотря на высокую грудь, плечи были шире бедер нерожавшей женщины, полноватые ноги.

В это раннее утро мать послала Аннушку к колодцу по воду. Она вышла на крыльцо в дедовском полушубке, из - под которого свисала до пят черная шерстяная юбка, на ногах валенки не по размеру. На голове платок из шерсти козы. На плечах расписанное цветами коромысло, на концах которого шатаются два оцинкованных ведра. Солнце отражаясь от снега слепила глаза, и девушка прикрыла их свободной рукой на которой была одета самосвязанная рукавичка. Несмотря на небольшой около восьми градусов мороз, прямой носик сразу замерз, и она потерла его варежкой. Полные губки чуть приоткрыли ротик и оттуда вырвались клубы пара. Густые черные брови только украшало круглое полное лицо. На улице стояла на удивление солнечная погода, в другие дни часто дул пронизывающий ветер с моря, которое находилось в ста километрах на восток. Рыбаки часто туда ездили на телегах, привозили крупных осетров. Зимой били тюленей, жир которых ценился для профилактики легочных болезней.

В такую погоду была наибольшая вероятность налета немецких бомбардировщиков на железнодорожный мост. По припорошенной снегом тропинке девушка к плетёной калитке, откинула кожаную петлю, которая не давала ей самой открыться, прошла на улицу. Колодец находился рядом, буквально в нескольких шагах, здесь уже стояли две казачки, одна средних лет крепкая тётя Марфа, пред ней на потапливая снег стояло два полных ведра с чистой водой и коромысло, прислоненное к срубу колодца., вторая более пожилая женщина с морщинистым лицом баба Дуся, рядом тоже полное ведро. Обе тепло одеты, на более молодой цветастый платок, у бабушки на голове также платок из козий шерсти, который она сама и связала, правда уже местами вытертый, полушубки наглухо застегнуты. Здесь женщины села часто собирались летом что – бы обсудить последние новости. Аннушка подошла к колодцу, сняла с плеч коромысло:

—Здравствуйте, бог в помощь, - приветствовала она женщин.

— Здравствуй, Аннушка, - ответили селянки.

— Как там дед Тимофей, не болеет, что готовит мать, - спросила Марфа, хотя ей обо всем было известно.

Девушка открыла дверь навеса, сооружённого над колодцем. Внутри на вороте привязанное к длинной веревке висело цинковое ведро. Анна чуть крутнула барабан и емкость заскользила в зев колодца.

— С дедушкой все в порядке, все так же курит свой самосад, все провонял в хате. Мама собирается варить борщ, Буренку накормили и напоили, я надоила почти ведро молока, похоже весной у нас будет телёнок.

— Это хорошо, - вновь произнесла Марфа, - а как сама, небось за тобой уже парни увиваются.

Девушка зарделась, опустила в смущении голову, продолжая крутить рукоятку, поднимая тяжёлое, наполненное водой ведро.

— Её вчера Пашка из Романовки из клуба провожал до дома, - сказала вездесущая бабушка.

Звенящую тишину утра разорвал звук ревущих моторов самолетов. Вначале в небе появился силуэт бомбардировщика с двумя винтами, возле него, сверкал на солнце фюзеляжем “ Мессершмит ” прикрытия. Над мостом заревел сигнал воздушной тревоги. Бабушка схватила ведро и прихрамывая побежала к своему двору. Марфа схватила девушку, которая уже вытащила наружу ведро и готовилась наполнять свое, с ужасом смотрела на приближающихся фашистов. Женщина сдернула её вниз, опрокинутая ёмкость полетела обратно в колодец и обе казачки присели за сруб с противоположной от моста стороне.

Как рассказывали потом солдаты охраны первым зашел на объект “Мессер” , прошёлся пулеметным огнем по позиции зенитной батарей состоящих из спаренных пулеметов к счастью никого не задел, только повредил один “Дягтерев “, отскочивший от него металл легко ранил пулеметчика. Следом за ним зашел бомбер, тут зенитчики оказались на высоте и после очереди из исправного пулемета у него отвалился кусок крыла, но тем не мене тот сбросил груз бомбу в поле, повредив только железнодорожное полотно и линии воздушной связи. Поврежденный самолет упал и взорвался где - то в районе берега моря, “Мессершмит” так и остался прикрывать его. Солдаты быстро восстановили связь и стали ждать со стороны Махачкалы состав ремонтников.

Женщины так и сидели, прижавшись к срубу. Старшая прижала голову Аннушки к груди. Раздался стрёкот пулеметов потом звук близкого разрыва, отчего задрожали стекла окон, потом натуженные рев удаляющихся воздушных машин. Распахнулась калитка двора Кузнецовых и оттуда выбежала простоволосая Мария с накинутым на плечи полушубком, кинулась к дочери, она поднялась на ноги и мать с плачем обняла её.

— Ну что ты, мама, все нормально.

Марфа подхватила свои ведра на коромысла и вскинула его на плечи. В стороне железной дороги в воздух поднимался столб дыма. Анна, отстранив мать наполнила водой ведра и поблагодарив Марфу направились к себе в подворье, где и в зимнее время всегда хватало забот.

Вскоре из города приехал маневровый паровоз, привез бригаду ремонтников, которые быстро восстановили поврежденные пути и вскоре движение возобновилось.

После обеда приехала кинобудка на базе автомобиля ГАЗ с автолавкой и к ней потянулись местные жители, ведь кроме товаров первой необходимости они могли получить почту, узнать новости из привезённых газет. Но как раз к обеду поднялся ветер с моря, швырял горсти снега в лицо. Здесь на юге Союза зимой температура редко опускалась ниже двадцать градусов, вот и сегодня, было относительно тепло, около пяти. И сегодня хозяйки не задерживались, быстро забирали посту заказанные вещи и продукты.

К вечеру киномеханик, молодой парнишка семнадцати лет от роду с помощью молодых селян сгрузил свою аппаратуру и два больших аккумулятора в кинооператорскую местного клуба. Вскоре все жители узнали, что он на это раз привез комедию в главной роли с Чарли Чаплином.

К вечеру к клубу стали подходить все способные передвигаться жители, пришли даже из Романовки. Все места были заняты, и некоторые зрители принесли свои табуретки. На дальней стене повесели белую простыню, здесь же было сбито небольшое возвышение, на которое поставили стол, застеленный красной скатертью с зажжённой керосиновой лампой, стопкой свежих газет рядом стул с высокой спинкой. На боковой стене, напротив входа висят портреты вождей пролетариата.

Перед показом сеанса на сцену вышел председатель Сельского Совета, короткая стрижка волосы чёрные с проседью, среднего роста, тридцати лет, Иван Викторович Пастухов, на нем одета гимнастерка без знаков различия, брюки галифе, подпоясанные широким офицерским ремнем, начищенные кирзовые сапоги, на груди блестит медаль “ За отвагу “. Дождавшись тишины, он сказал:

— Сегодня нам киномеханик Сева привез комедию, в которой главный герой попадает в разные смешные истории, но, как всегда перед этим просмотром информационный журнал, о том, как наши воины на фронте бьют ненавистного фашиста. Комедия будет показана в немом исполнении, но там и так все ясно. А сейчас неприятное объявление. Все знают, что немец рвется к побережью моря, Гитлер хочет отрезать наши армии от стратегических запасов нефти Грозного и Баку. Поэтому Партией и Правительством, под контролем самого товарища Суслова решено построить неприступный рубеж обороны под Моздоком. Но для этого нужны молодые рабочие руки. И эту ответственную работу решено возложить на хрупкие плечи наших жен-

щин. Из наших сел направляются на работы три жительницы: Королева Мария, двадцатого года рождения, вдова, Кузнецова Анна двадцать пятого года рождения и Нина Ладных, того же года. Указанным гражданкам необходимо собраться завтра с необходимыми вещами здесь у клуба, их отвезут в Кизляр на машине кинобудки.

После выступления председателя Сельского Совета в зале наступила полная тишины, прерываемая только плачем женщин.

— Что же вы товарищи женщины так переживаете, ведь вас везут на работы ненадолго, через месяц уже будете дома.

После просмотра фильма традиционных танцев так и не состоялось, все зрители разошлись по своим домам.

Утром призванные со своими родственниками собрались у прогревающий двигатель полуторки. Женщины были одеты хоть и бедно, но тепло, видимо одежду собирали всем селом. Латанные полушубки, длинные шерстяные платья, валенки на которые надеты калоши, шерстяные само вязаные платки, кожаные рукавицы. У каждой узелок с едой на два дня. Женщины вытирали слёзы уголками платков, старики курили самосад. Родственники с плачем провожали отъезжающих. Анну также провожали дед и мать. Павел Черных отрок семнадцати лет, высокий румяный парень стоял чуть в стороне. Девушка подошла к нему, порывисто обняла и оттолкнув, побежала к кинобудке на посадку. Водитель закрыл за неё дверь на задвижку и машина, дымя белесым паром выехала на дорогу в районный центр Кизляр.

Двадцать километров ехали долго, дорога хоть и присыпанная снегом хоть и подмерзла, но была разбита. Автомобиль подпрыгивая на ухабах, медленно двигался к цели. В будке было хоть и холодно, но не ветрено, небольшое застеклённое окошко освещало помещение, впереди лежали ящики с аппаратурой, на которых сидели женщины, мимо проплывали покрытые белым покрывалом луга, поросшие кустарником, небольшие перелески. До самого города сел больше не встречалось. Дорога бала проложена вдоль железнодорожной ветки, где часто проходили поезда с цистернами наполненными сырой нефтью.

К обеду въехали в Кизляр, здесь в основном в центре улица были мощены камнем. В то время город был районным центром и относился к грозненской области, здесь жили потомки казаков и мастеровых. На окраинах небольшие дворики с камышовыми хатами, во дворах фруктовые деревья и виноградники. В центре двухэтажные кирпичные дома бывших купцов, только здание Исполкома и вокзала были новой ещё довоенной постройки. Кинобудка подъехала как раз к перрону.

— Вам туда, - махнул рукой в рукавице Сева в сторону здания с колонами.

Девушки, похватав свои узелки побежали в сторону указанного здания. Скрипнула дверь и девчата вбежали в здание вокзала, принеся с собой клубы пара. Здесь уже на стульях сидели насколько женщин, расстелив на коленях тряпицу, а на ней нехитрую еду обедали, все обернулись на вошедших.

— Вот ещё явился трудовой народ, - сказала дородная женщина в сером платке, - теперь мы быстро справимся с заданием. Располагайтесь девочки, скоро прибудет начальник вокзала и будем грузиться в вагон на Моздок.

Зал ожидания был обширным в стене небольшое окошко кассы, рядом деревянная дверь, справа в углу круглая высокая печь, которую ежедневно протапливала местная уборщица, окна, которые выходят на перрон были заколочены фанерой, видимо стекла были выбиты при бомбежке.

— Откуда сами? Давайте знакомиться. Меня зовут Евдокия из Кизляра, присоединяйтесь к нашему столу, - сказала та же женщина

— Нет, спасибо мы только из дома, живём в Николаевской, я Анютка, а это Мария и Нина, - показала на землячек девушка.

Женщины тоже представились по очереди. Прозвучал гудок паровоза и лязг составляемых вагонов. В зал вошел пожилой, за шестьдесят мужчина в черной шинели железнодорожника и шапке – ушанке и в кирзовых сапогах.

— Ну ка девчата, быстро собрались, вагон на Моздок подан, - тонким голосом сказал он.

Женщины быстро собрали нехитрую еду в узелки, и отряхнув с одежды крошки, направились на перрон.

Слабая метель кидала горсти снега в лицо и засыпала одежду. На втором пути стоял состав нефтяник, в конец которого был прицеплен вагон для перевозки скота, со всех сторон обшитый сосновой доской с большой откатной дверью, из крыши торчала стальная труба из которой вился сизый дымок.

Вслед за девушками выбежал и начальник станции, он же комендант.

— Товарищи! Проходите в конец состава, вон в тот вагон, я сейчас помогу открыть дверь.

В конце вагона был оборудован небольшой тамбур, в котором сидел с винтовкой в большой шубе и шапки, солдатик охраны.

И с интересом рассматривал на группу молодых женщин. Помогая друг дружке спустились с перрона на железнодорожные пути и направились в конец состава. Подойдя к вагону, комендант схватился за железную ручку и с натугой потянул створку в сторону та со скрипом открылась. Из темного помещения выглянуло несколько молодых женщин.

— Товарищи! – Вновь крикнул начальник вокзала, помогите подняться новым попутчицам.

После этих слов он стал передавать в протянутые из теплушки руки узелки и сумки новых пассажиров. Потом помог девушкам подняться на одну ступеньку, где их уже подхватывали сильные руки.

Когда все погрузились, начальник вокзала с усилием задвинул дверь. Анна попала в незнакомое помещение одной из первых, осмотрелась, немного отступив в сторону, давая место другим входящим в вагон работницам. В самом центре стоял большой ящик, на котором расположили керосиновую лампу с зажжённым фитилём и закопчённым стеклом, разбросаны черные с белыми точками костяшки домино, вокруг стояли ящики поменьше. Вдоль стен расположены нары в два яруса, на них матрасы, набитые соломой, стены утеплены старыми, вытертыми коврами. Рядом с дверью стоит на подставке из кирпичей печка – буржуйка, с закрытой дверкой, из щели которой проникает свет горящих дров, рядом груда наваленных поленьев для топки.

Всюду на нижних полках нар и на ящиках сидят женщины и девушки в возрасте от молоденьких девиц до сорокалетних матрон., все простоволосые, теплые одежды лежат тут же на верхних полках.

— Проходи, девонька совой узелок можешь поставить под нары. К сожалению, нижние все заняты, но присесть можешь. Занимай сразу место наверху. Да, молодка, ещё долго ехать на станциях прибавится ещё много народа. Меня зовут тетя Нина, меня здесь назначили старшей.

Наконец все погрузились и подкатная дверь со скрипом закрылась. Когда все расселись по временным местам, старшая начала рассказывать:

— Мы все едим уже третий день, некоторые из самой Махачкалы, а вы откель будете, девоньки и как вас зовут? – Спросила тетя Нина.

— Меня зовут Аня из Николаевской, это Мария и ещё Нина из Романовской.

— Ясно, - произнесла одна из пожилых женщин, - значит казачки, оно и видно, богато одетый.

— Мы комсомолки, у меня отца зарубили белые казаки, за то, сто не хотел отдавать последнюю корову. Работаем мы в колхозе “ Рассвет коммунизма “, а одежду нам собирали всем селом, самую старую, оставшуюся от дедов.

И, действительно, женщины одеждой резко отличались от казачек, в основном телогрейка из заплат который высовывалась вата, выцветшие платья, также залатанные, на полках лежали теплые платки и береты. Редко где лежали старые полушубки.

— Ну, ты, извини, не хотела тебя обидеть, - смущенно сказала та же женщина.

— Сейчас вагон отцепят от нефтяника, он пойдет в Астрахань, а нас прицепят к составу идущему на Моздок, - произнесла старшая, - у нас здесь есть свежие газеты, их выдают на каждой станции. Можете читать, если умеете. Отхожее место там в углу, завешанное одеялом. На остановках можно взять на вокзале кипяток для чая.

Снаружи донесся лязг разрываемой сцепки и гудок паровоза, потом удары колес по стыкам рельс удаляющегося состава. Вагон с пассажирками немного постоял на месте и подхваченный маневренным паровозом покатил для сцепки с другим составом. Вскоре теплушку перецепили, и она покатила в неизвестность.

В вагоне было относительно тепло, на каждой станции можно было пополнить запас дров и набрать горячей воды. Сквозь небольшие, застеклённые окошки пробивался дневной свет. Вновь прибывшие женщины разделись. Старожилы кто лег не нары, кто достал вязание, а кто шуршал имеющимися здесь газетами и журналами, четверо под комментарии болельщиков сели играть в домино, кое годе слышался неспешный разговор, куда баз него в женском коллективе.

Анна сняла полушубок и шерстяной платок, положила всю одежду на верхнюю полку, потянулась за лежащей на столе прессой, здесь было большое разнообразие печатной продукции, что никогда не было даже в библиотеке села. Помимо газет были даже произведения Горького, тонкая книжка стихов Симонова, затертая до дыр.

Под мерный стук колес и неспешный разговор попутчиц миновали большой разъезд Червлёная, где взяли ещё работниц. Вечером стали готовится ко сну. Старшая выделила дежурных, которые должны следить за печкой, что – бы огонь не погас, выделила дежурным именные часы одной из женщин, отец которой был в гражданскую каким – то командиром и получил их, а награду. Дежурили девушки по часу. Анна по жребию тоже выпало следить за печью, как говорят солдаты в “ собачью смену “, с трех до четырех часов.

Сняв валенки и расстелив на голых досках полушубок, положив под голову узелок с вещами, заснула под удары колес по рельсам. Разбудили её во время и, хотя постоянно тянуло в сон она подбросила в зев печки пару поленьев и облокотилась на стену. Садиться не стала, боясь уснуть, решила, что час как нибудь потерпит, но и так задремала и чуть не упала. Посмотрела на часы, осталось ещё минут пятнадцать. Надела лежащую здесь кожаную рукавицу, открыла скрипнувшую дверку и ещё подбросила несколько деревяшек. Наконец стрелка достигла ожидаемой отметки, и Анна разбудила следующую женщину, которая заступила на дежурство. Так в пути прошло ещё двое суток, на некоторых станциях подбирали ещё попутчиц. Вскоре в вагоне не осталось мест, днем в основном сидели на нижнем ярусе, ночью дежурные уступали свое место тем, которым негде было спать, дежурили по трое.

На третий день услышали где - то далеко раскаты грома.

— Видимо приближаемся к фронту, - сказала более опытная тетя Нина.

Теплушка ещё немного прокатила по рельсам и остановилась окончательно. Скрипнула на роликах откатная дверь и с клубами пара в вагон ворвался хриплый голос:

— Выходите, товарищи, станция Стодеревская, дальше путь разбит, располагайтесь в здании вокзала, там тепло.

На железнодорожной насыпи стояло не высокого роста крепкая женщина в черной шинели, шапке ушанке, к которой прикреплена железнодорожная кокарда с опущенными клапанами, валенках, чуть прищуренными карими глазами. В пухлых губах дымит самокрутка.

— А на чем мы будем добираться дальше? – спросила тетя Нина.

— Я начальник станции Ростовцева Екатерина, мне приказано вас встретить и расположить в здании вокзала, поверти, толстые кирпичные стены гораздо лучше защищают от осколков бомб. За вами приедут телеги и отвезут вас к месту работ в Серноводское.

— А немец часто бомбит станцию? – Вновь спросила старшая.

— Раньше были налеты каждый день, когда ещё часто шли составы и позволяла погода, но теперь Фашист перекрыл ветку и здесь никто не ездит, сегодня тоже погода не летная метет метель. Вы быстрей должны освободить теплушку, у нас накопилось много раненых, нужно срочно отправить их в тыл, что – бы быстрей их погрузить, прошу вас помочь санитаркам.

Пока она говорила к теплушке стали подходить раненые, кто с перевязанной рукой или головой, на костылях, на бинтах проступили пятна крови. Девчата, помогая друг дружке попрыгали на гравийное покрытие насыпи. Наиболее сильные остались помогать раненым. Завидя такой цветник до этого хмурые солдаты начали улыбаться, посыпались безобидные шуточки:

— Куда же вы собрались красавицы, теперь Гитлер только от одного вида такой красоты пойдет сдаваться в плен, - говорили раненые.

Тем временем из здания вокзала показалась процессия из тяжелораненых на носилках, которые несли пожилые санитары в белых халатах поверх шинелей, на них тоже были пятна крови. Их ещё несли и выздоравливающие, рядом шли женщины санитарки и врачи, часто поправляли сбившиеся одеяла.

— Откуда вы, солдаты? – спросила оставшиеся в вагоне тетя Нина.

— В Моздоке разбомбили госпиталь, многие погибли, теперь эвакуируют в тыл, - прозвучал ответ.

Здесь Анна впервые увидела жестокое лицо войны.

По мере освобождения вокзала его занимали вновь прибывшие. С тыльной от перрона стороне здания санитары оставили несколько трупов, лежащих прямо на снегу и накрытых шинелями, над которыми плакала начальница станции.

— Смотри, - толкнула Мария Анну, - видимо они умерли здесь на вокзале, теперь их оставили коменданту для похорон.

В самом зале ожидания всё ещё витал тяжёлый запах крови, гниющей плоти и мужского пота. Небольшое помещение оказалось заполнено полностью ожидающими попутного транспорта, осталось только удивляться, как здесь помешалось столько солдат. Сидящих мест многим не досталось, приходилось ждать стоя, благо совсем не долго. За стеной послышался крик возниц и скрип тележных осей. В зал вошла комендант, как всегда с папиросой в зубах и крикнула:

Девоньки, быстрей рассаживайтесь по телегам и в путь, до станицы Серноводское около двух часов езды, надеюсь не замерзнете.

Открылась дверь, и толпа женщин вывалилась на заснеженную улицу не большого поселка. Здесь уже стояло несколько телег запряжённых каждая одной лошадью и управляемых пожилыми за шестьдесят, мужчинами.

— Девоньки, рассаживайтесь равномерно, не толпитесь, места должно хватить всем! - крикнул один из возчиков.

Анна при помощи Нины заняла место в третьей, и транспортное средство покатило в снежную степь. Правда на счастье ветер ослаб и с неба сыпался пушистый снежок. До хутора ехали дольше чем рассчитала начальник вокзала, дорогу местами замело, несмотря на недавно проехавший транспорт, приходилось заранее разгребать сугробы. Но и эта работа не дала замерзнуть в пути. Наконец впереди показались глинобитные хаты и телеги выкатились на площадь перед правлением села., на стене которого развивался красный флаг. Их встречал ещё молодой офицер с кубиками капитана в петлицах, одетый в шинель и опирающийся на самодельную трость.

— Построились, товарищи! – Зычным простуженным голосом прокричал он.

Девчата кое как собрались в один неровный строй, из носов вырывался струи пара. Капитан, прихрамывая прошелся вдоль неровной шеренги, достал блокнот из внутреннего кармана шинели и карандаш, взглядом выхватывал наиболее сильных женщин, останавливался напротив, спрашивал:

— Назовите своё имя.

После ответа записывал данные на свободном листке, и шел дальше. Обойдя весь строй встал в центр:

— Товарищи, я начальник стройки капитан Карташов. Партия и правительство сейчас только надеется на вас. Фашист рвется к нефтеносным районам Баку, и на ваши хрупкие плечи возложена тяжёлая миссия защитить свои селения от этих выродков. Необходимо построить неприступный рубеж обороны. Вам выпала тяжёлая работа копать противотанковый ров. Форма выемки перевернутая трапеция, хотя многим это ничего не говорит. Ширина ямы до семи метров, глубина три с половиной и ширина в нижней части три метра, впрочем, специалисты уже наметили ров. Норма выработки два с половиной куба, кто не будет справляться, работает в неурочное время. Как только выполните задание можете быть свободны. На сооружениях уже работают студенты училищ и школьники старших классов. Но дело осложняется тем, что как видите наступила зима и земля уже примерзла. Те женщины, которых я назвал будут рубить верхний слой почвы и лошадьми оттаскивать отколотые глыбы, потом уже копаем сам ров.

— А кормить нас будут? И где мы будем жить, - спросила одна их работниц.

— Вам выдадут армейский сухой паек в виде консервированной каши и хлеба, надеюсь ложки и нож у вас есть. Местные жители любезно согласились предоставить вам временно жилье и несколько сараев, переоборудованных под ночлег. И ещё сейчас непогода, но, когда прояснит могут быть налёты немецкой авиации, хотя наши зенитчики всегда на чеку, но все равно во рву оборудованы ниши, где можно укрыться от пулемётов, а кто будет работать наверху, тем выкопали специальные окопчики, по команде: “ Воздух”, без паники прячемся по щелям.

— А вы женаты? – спросила одна из молодок.

Капитан смутился и ответил:

— Нет, не довелось, но у меня на Донбассе под немцем осталась семья и невеста.

— Невеста далеко, а у нас вон какой цветник, под смешки товарок крикнула девушка.

В строю стояли женщины и молодки от шестнадцати до пятидесяти лет.

— Сейчас не толкаясь, организованно подходим к машине, получаем сух - паек на три дня и местные отводят вас к месту вашей ночевки. И последнее пока не всем хватает лопат, но сознательные товарищи из хутора должны поделиться инструментом.

Небольшая очередь собралась у крытой брезентом машине, где пожилой усатый солдат выдавал женщинам по три банки каши, буханку черного хлеба, и несколько желтых кусков сахара.

Аню с подругами отвели ночевать в свободный сарай, наспех переоборудованный под жилье. Деревянных полов здесь не было, солома настелена прямо на землю. Окон здесь не было, но на грубо сбитом столе в центре помещения стояла самодельная, горящая коптевшим пламенем лампада, у стен наспех сколоченные двухэтажные нары, голый, глиняный пол застелен толстым слоем соломы. Рядом с дверью, завешанной дополнительно, для сохранности тепла, брезентом, установлена металлическая печка – буржуйка, рядом поленница дров, на ней цинковое ведро с застывшим на дне льдом. Туалет находился на улице, куда выстроилась небольшая очередь, но некоторые женщины справляли малую нужду прямо за сараем. В сарае было очень холодно, поэтому одна из женщин умело разожгла дрова и печка весело загудела. Анна вызвалась принести воды из колодца, и подхватив ведро выбежала на улицу. В центре ела

у колодца тоже выстроилась небольшая очередь. Хотя температура здесь не опускалась ниже десяти градусов, на ветер выдувал все тепло из - под полушубка. Очередь двигалась быстро, ведро с громыханием цепи падало вы зев колодца и паренёк наливал воду в подставленные ведра. Подошла очереди и Аннушки, набрав тяжёлую емкость она быстро побежала к месту жительства. Здесь уже было относительно тепло, за столом всем мест не хватило, и многие сидели прямо на нижних нарах. Ужинали те что сидели на чурбачках у стола и ужинали тем, что взяли из дома: вареные яйца и картофель, сало и молоко которое наливали прямо в кружки, все это заедали мягким хлебом. Девушка поставила ведро на верх зашипевший недовольно печку, разделась , подхватила свой узелок и положила его рядом с полушубком на верх деревянной кровати и села на низ рядом с Ниной.

— Как ты думаешь, надолго нас сюда? – Спросила она.

— Наверное недели на две, вонь как немец прет, - и словно в подтверждении её слов, вновь послышались звуки канонады.

— Работа привычная и выполнить норму вполне возможно, а две недели как нибудь потерпим.

— А дома мама, наверное, испекла ватрушек со сметаной, - мечтательно протянула Нина.

Одна из женщин поужинала и уступила место анне, та достала вой узелок, развязала его и пронялась место захваченные из дома продукты. Вода в ведре начала нагреваться и над ней поднялся заметны парок, работницы потянулись к ней с кружками, у некоторых нашелся прессованный чай, и они поделились со всеми. Некоторые семейные женщины заворачивали белые кусочки сахара в чистые тряпицы с тем что – бы отвезти своим детям.

Поужинав Аннушка выскочила на улицу, справить малую нужду, у туалета стояло несколько женщин. Пурга усилилась, ветер свистел в кронах деревьев, срывал с крыш грозди снега и швырял в лицо. Подождав немного, девушка быстро посетила отхожее место и побежала в теплый сарай. Здесь она снова расстелила на нарах полушубок и дуя на озябшие руки, сняв валенки, запрыгнула на верх. Старший здесь не было, как и часов, и время дежурства распределить было нельзя, и девушка проснулась среди ночи от холода, полная тишина давила на уши, только где - то в селе брехала собака. Печка потухла, только на столе ещё горел огонь светильника. Казачка спрыгнула на пол, носки на ней были из теплой шерсти и ногам не было холодно на голом полу. Аня положила в зев печки немного дров, зажгла их от самодельного светильника, и когда огнь снова загудел села рядом на подставленный чурбачок и глядя на пляшущее пламя вспомнила свое село и родных. Привычная вставать рано девушка почувствовала, что рассвета осталось немного, и правда, где – то в деревне заорал проснувшийся петух, ему вторили другие. Но здесь рабочий день начинался только в восемь часов. Зашевелились, просыпаясь работницы, в сарае лежать было ещё холодно. Девушка встала, надела полушубок, подпоясалась шерстяным платком, и подхватив ведро, выскочила на улицу. Вертер как всегда перед рассветом стих, но темные тучи в предрассветной мгле закрывали небо. Кое где у стен хат намело сугробы, но дорожки к туалету и колодцу были чистыми. Быстро посетив деревянный домик Аннушка подошла к колодцу, откинула крышку сруба и бросила в открытый зев ведро на веревке, набрала в него воды, крутя ворот достала и налила сначала немного в свое, затем зачерпнула холодной жидкости умыла лицо и руки, потом вылила грязную воду и налила свежей, к колодцу подошла ещё одна девушка, с полным ведром казачка вернулась в место временного проживания, здесь «буржуйка» уже нагрела барак, многие женщины уже расположились за столом и разогревали в открытых банках на печке кашу.

— Почему так холодно? – спросила одна из них.

— Я проснулась от холода и растопила печку, затем пошла за водой., - объяснила Анна.

— В следующую ночь нужно распределить дежурства, что – бы печка не затухла, - предложила работница.

— Нужно спросить у начальника будильник, чтобы знать время, следить за огнем, - сказала Нина.

Казачка подождала пока освободится место за столом и принялась за завтрак, у неё ещё осталось немного еды из дома, не успела она закончить, как над селом раздался звонкий удар в рельсу, созывающий трудящихся на работу. Женщины начали быстро одеваться и выходили на улицу, собирались перед правлением колхоза. Молодой человек с комсомольским значком на лацкане черного пальто построил прибывших в одну кривую шеренгу. Из дверей конторы вышел капитан Краснов, прихрамывая и опираясь на кривую палку, остановился в центре строя:

— Товарищи женщины! – Прокричал он, выдыхая изо рта густой пар, - сегодня мы приступаем к возведению противотанковых сооружений. Здесь на этом рубеже наши отцы и братья на фронте должны задержать фашиста и поэтому как мы будем работать зависит, что немец не пройдет здесь и не разорит наши дома и хаты. Норма три кубометра на каждую работницу, это не так уже много, но и, если кто не успеет уложиться в план, будет работать при свете костра. Во время работы будем проводить учебную тревогу при налёте фашистской авиации при этом вы должны прятаться в заранее выкопанные щели и окопы. Мне нужны пять сильных женщин, которые могут работать с ломиком и кувалдой, они получат дополнительное питание и отдых.

После этих слов из строя вышло семь женщин, и них капитан вобрал пятерых:

— Посмотрим, как вы будете работать, если не будете справляться, заменим. Сейчас проведем перекличку, начинаем справа, называйте свое имя и фамилию.

После переклички недосчитались двоих женщин:

— Придется послать запрос по месту жительства отсутствующих, а их план придется распределить между сознательными работницами.

— Товарищ капитан! – Спросила Нина, - кто будет поддерживать огонь в печке, иначе она затухнет и нам негде будет согреться, и ещё, нам нужны часы для распределения ночных дежурств.

— Огонь в печке будут поддерживать мальчики из местных, а часы вам выдаст мой заместитель товарищ Игорь Маслов, он студент строительного института. А сейчас получите инструмент и проследуем на объект.

Офицер направился в сторону открытого поля, где вдали уже работало множество фигурок. Женщины похватав инструмент, наваленный рядом в кучу, побежали догонять командира.

Самая тяжёлая работа состояла в том что - бы рубить промёрзшую землю. Несколько человек кувалдами забивали в землю клинья, потом в образовавшуюся щель вставляли ломы и приподнимали пласт грунта, которые уже при помощи веревок и лошади, оттаскивали на бруствер рва. Работники часто менялись местами, отдыхая у разожженного костра. Потом к работе приступали женщины с лопатами. Сначала углубляли ров до метра, затем, когда выкидывать землю из канавы уже было нельзя, складывали её на ступеньку, откуда её забирали другие работницы и выкидывали наверх, тут же на дне копали и небольшие окопчики куда прятались во время воздушной тревоги, на в этот день небо затянуло тяжёлыми облаками и срывался мелкий снежок, поэтому объявляли только учебную. Ширину рва копали около четырех метров, глубину два.

В первый день землячек поставили копать только дно канавы. Получив штыковые лопаты со всеми направились к объекту, рукоятки у лопат были на обработаны и могли быстро поранить руки, благо девушки были в кожаных рукавицах. На дне сооружения, и на самом верху в пяти метрах от бруствера в мерзлой земле копали глубокие траншеи, куда в случае авианалёта могли спрятаться около десяти человек. В самом начале рва горел большой костер, над котором на треноге висел закопченный котел, где постоянно подогревался чай, который могли пить все желающие.

В первый день в связи с плохими погодными условиями налётов вражеской авиации не было, но командир несколько раз объявлял воздушную тревогу, и тогда работницы прятались в щели. Туалета на объекте не было, если кому нибуть нужно было, несколько женщин выходили в степь, вставали в кружок, и одна из них садилась внутри, справляла нужду.

Наконец прозвучал удар рельса означающий перерыв не обед, и уставшие женщины потянулись к своим баракам. Анна с Ниной было побросали свои лопаты там, где и работали, на более опытные работницы посоветовали забрать инструмент с собой.

На обед открыли банки в тушёнкой, разогрели её прямо в банке, поставив на разогретую печку, чай стоял на толе уже разогретый, Мария достала из своего мешка пустую стеклянную бутылку из под молока, завернула её в платок и осторожно разбила, куски протянула анне и Нине, показала как отшлифовать черенки лопат, тоже самое сделали и остальные новенькие девушки.

После короткого отдыха, работницы, по сигналу вновь отправились к месту работы.

Наконец зимний день подошел к концу, на степь надвинулись ранние сумерки. Бригада не успела выполнить план, и пришлось заканчивать работу в свете разведенных костров.

После тяжёлого трудового дня женщины вернулись в свой сарай. Здесь было тепло, дежурная не только поддерживала тепло в помещении, но и подогрела ведро воды для чая.

На стене рядом с печкой висели часы – ходики с цепью заводки и двумя гирьками, которые мерно стучали и показывали уже шесть часов. Старшая барака составила расписание дежурств, на час каждой работнице, которые должны было поддерживать огонь в печке. После короткого ужина уставшие женщины легли спать. Аннушке выпало дежурить во вторую половину ночи, её разбудила очередная женщина. Кузнецова обула валенки и подбросила дрова внутрь печки, зачерпнула кружкой горячего чая, достала из кармана кусочек сахара и прихлёбывая жидкость закусывала его сладостью. Одна из женщин проснулась, встала, накинула на плечи полушубок и обув валенки, вышла на морозный воздух, на вскоре вновь вернулась, вбежала в помещение, впустив внутрь клубы пара.

— До чего холодно, чуть задницу себе не отморозила, - произнесла она, раздеваясь и ложась на свое место.

Кипяченая вода в кружке кончилась, девушка заворожено смотрела на огонь, веки тяжелели и глаза закрылись, сосуд со звоном выпал из слабеющий руки, Аня резко вскинулась, завозились проснувшиеся работницы, потом успокоившийся барак вновь погрузился в сон.

Дежурная посмотрела в окно, сквозь щели в ставнях пробивался сереющий рассвет. Девушка достала из узелка клубочек шерстяных ниток и спицы, быстро стала накидывать петли для новых варежек, она уже связала почти половину, когда раздался удар в рельсу, возвещая побудку работниц.

— Вставайте, девоньки, пора в туалет, умываться и завтракать – распорядилась старшая.

Анна быстро спрятала вязанье и пока никто не вышел из сарая, выбежала на мороз. Возле туалета уже маялась незнакомая девушка, дождавшись своей очереди, быстро покончив со своими делами в деревянном домике, девушка стремглав побежала к себе в барак. Утро все сильнее вступало в свои права. День обещал быть ясным, солнце ещё не взошло, но и звезды на погасли.

В помещении все проснулись, многие сидели на ящиках и лавках, пили чай, некоторые выбегали на уличу, быстро умывались снегом. Бросив полушубок на ближайшие нары, Аннушка присоединилась к работницам. Не успели они закончить скудный завтрак, как вновь прозвучал удар рельса, призывающий всех на построение.

Быстро собрав остатки трапезы, Анна оделась и вместе со всеми пошла к центру села. На площади напротив здания Сельского Совета суетился уже знакомый комсомольский активист. Строил подходивших женщин в две шеренги. Когда наконец все собрались, он подошел к стоящему в центре командиру и дорожил:

— Товарищ капитан, работницы для сооружения противотанкового рва построены.

— Хорошо, Маслов, проведи перекличку согласно списку, - он открыл планшет и протянул парню небольшую тетрадку.

Комсомолец встал рядом и открыв её, стал зачитывать фамилии, присутствующие поднимали руки, из всего состава отсутствовали четверо, как выяснилось по болезни. После переклички капитан вновь обратился к женщинам:

— Товарищи работницы, вы сами видите, погода сегодня ясная, большая вероятность налетов вражеской авиации, поэтому сегодня учебной тревоги не будет, если кто получит ранение сразу зовите санитаров, у нас есть специально обученные девушки. А мороз усилился, но несмотря на это нам необходимо приложить все усилия что – бы форсировать строительство оборонительных сооружений, а сейчас получайте инструмент и продолжим работу.

Здесь же в стороне лежали ломики с лопатами, работницы брали инструмент и направлялись к засыпанному снегом рву.

Миновало около двух часов непрерывной работы. Наступило время первого короткого перерыва. Дежурные стали разносить ведра с горячим чаем. Женщины черпали жидкость кружками и садились прямо на снег, доставали сахар и отпивали обжигающий кипяток.

Где-то в вышине послышался звук пролетающего самолета. Работницы прекратили разговоры, всматриваясь в ясное небо. На большой высоте освещенный лучами солнца, пролетал немецкий самолет – рама.

— Внимание, товарищи, мы наблюдаем фашистский разведчик, будьте начеку, скоро нужно ожидать авиационного налета! – Крикнул капитан.

И действительно, не прошло и пятнадцати минут, как сначала все услышали нарастающий гул моторов “ Месершмитов “, летящих на низкой высоте, потом гулкие удары в рельс. Работницы, побросав инструмент попрыгали в выкопанные рядом окопчики. Анна с подругами в это время работали на верху, поэтому спрятались в щель одни из первых, сюда набилось ещё около десяти человек.

Самолеты сначала на большой скорости прошли над строящимся рвом, сбросили бомбы, которые со свистом врезались в землю и взрывались, поднимая кучи промерзлой земли, оставляя на снегу большие круглые ямы. Потом бомбардировщики развернулись и пошли ещё ниже над окопами, поливая их и спрятавшихся женщин из пулеметов.

Из одного окопчика выскочила молоденькая девушка, и закрыв уши руками, беспрестанно визжа, побежала по полю, увязая по колено в снегу, в сторону посадки. След потянулась цепочка от пуль, вот очередь настигла беглянку, и она изломанной куклой упала на снег. Летающие машины, закончив свое грязное дело, ушли в сторону фронта, им вслед запоздало загрохотали зенитные пулеметы. Наступила зловещая тишина, потом навзрыд заплакала одна из девушек, потом другая, и вскоре над рвом раздавался горький плач.

Из одного окопа поднялся капитан:

— А ну, прекратили! – Закричал он, - нужно несмотря не на что, продолжать работы, оплакивать погибших будем после войны. Посмотрите, нет ли среди вас раненых, и санитары пасть окажут помощь.

Со стороны села к поверженной девчонке с носилками бежали два пожылых мужчины и две женщины. Они положили истекающий кровью труп на брезентовое полотно и тяжело понесли в сторону села.

Все время до обеда трудящиеся работали молча, со злостью врезаясь в неподатливую мерзлую землю. Пережили ещё один налет, но он был успешно отбит нашими истребителями, бомбовозы сбросили свой смертельный груз далеко в поле.

Девушки обедали молча, только изредка вытирали выступающие слезы, а на нарах плакала молодая женщина.

— Убитая девушка была из её села, - сказала одна из работниц, - как теперь она будет смотреть в лицо её родным.

После обеда ещё было два налета, в один получила осколочное ранение в верхнюю часть руки землячка Нина Ладная. Горячее железо разорвало полушубок, но кость не задела. Санитарки умело остановили кровь, наложили тугую повязку и отправили отдыхать в сарай, к месту проживания.

Во время второго, бомба взорвалась рядом с окопчиком где пряталась Аннушка со своими подругами. Взрывной волной её кинуло на бруствер щели, все находившиеся здесь потеряли слух и были контужены. Девушка глубоко рассекла лоб о твердую землю, её перевязали и всех отстранили то работ и отправили к месту жительства.

Когда казачка в сопровождении санитара вошла в барак навстречу ей поднялась её подруга рука её висела на привязи:

— Тебя, что тоже ранило? – Спросила она.

— Её ещё и контузило, - сказал сопровождающий, - она ничего не слышит.

— Эх, горе то какое, - вздохнула Нина.

— Вам ещё повезло, отправят домой, а нам еще неизвестно, что дальше будет, - он вздохнул и вышел.

И правда, когда стемнело вместе с возвращающимися со стройки работницами в барак вошел и комсомолец Маслов, нашел взглядом Анну с Ниной:

— Вас, товарищи, поучившие ранение, отравляют в госпиталь, там вам окажут квалифицированную помощь. Сейчас собирайте вещи и следуйте на улицу к телеге, на станцию вас отвезет возчик Павлович, там вас посадят в санитарный поезд. Капитан Селиванов написал вам сопроводительную записку, что – бы вас не приняли за беглых.

Он вырвал мелко исписанный лист из тетради и протянул Нине.

— Здесь отмечено, что вы два дня отработали на противотанковом рве и за эти дни вам должны заплатить.

— Спасибо, - поблагодарила девушка и спрятала записку в узелок. Анна помогла землячке одеть полушубок, и подруги вышли на мороз. Рядом с сараем стояла небольшая телега, запряжённая пегой лошадкой, спереди которой на специальной дощечке сидел пожилой, бородатый мужчина в зелёной солдатской телогрейке, подпоясанной веревкой.

— У нас подвода занята тяжелоранеными, так – что вам. Девоньки придется идти пешком, держитесь за борта что – бы не потеряться, - произнес возница хриплым покуренным голосом.

После этих слов он не оборачиваясь дернул вожжи, понукая лошадь. Анна только и успела что закинуть свой узелок на свободное место в повозке и ухватится за борт, видя это тоже самое сделала и Нина.

Дорогу изрядно замело, но по рыхлому, морозному снегу идти было легко. Возница хорошо знал дорогу, но и на этот раз она была обозначена вехами, вбитыми в грунт деревянными столбиками, освещенными полной луной. На землю опустилась морозная ночь. Обычно здесь на юге страны зима бала мягкая, морозы не опускались ниже отметки десяти градусов, но сейчас, он достиг выше двадцати. Вокруг воцарилась полная тишина, только снег поскрипывал под ногами и под колесами телеги, да стонали раненые, когда возок подпрыгивал на высоких кочках.

Двигались к станции около получаса. За это время двигающиеся пешком девушки разогрелись, пар валил не только изо рта, но и из под полушубков. Наконец в ночи показались темные строения поселка железнодорожников, был слышен стук колес составов о стыки рельсов. Нигде не мелькало даже огонька, станция строго соблюдала светомаскировку. Вскоре телега вкатила перрон и остановилась.

— Потерпите немного, девоньки, я сейчас все узнаю, - сказал Павлович, соскакивая а землю. Он быстро побежал к стоящим воле железнодорожного пути солдатам – санитарам, сопровождавших раненых бойцов и спросил:

— Я привез раненых с противотанковых рвов. Когда будет санитарный поезд?

— Диверсанты взорвали полотно в нескольких местах, - ответил чернявый немолодой солдат, - сейчас путейцы чинят, на станциях собралось много составов с нефтью, их будут пропускать в первую очередь, но скоро подойдет и наш поезд, раненых здесь никто держать не будет. Кто замерз, может погреться в здании вокзала.

Возница быстро вернулся к своей телеге:

— Ну, вы всё слышали, а вы, - Кивнул он Анне с Ниной, - можете погреться в здании.

Девушки согласно кивнули и направились к темнеющему рядом сооружению. Открыв тяжёлую, деревянную дверь они вошли внутрь помещения. Здесь не было возможности даже присесть, на полу и на скамьях лежали и сидели раненые солдаты, многие из х курили цигарки – самокрутки., и едкий, сизый дым стелился по всему помещению, также чувствовался сильный запах пролитой крови, некоторые воины разговаривали в бреду, стонали. Один солдатик с сержантскими треугольниками в петлице полушубка, перепоясанный кожаным, солдатским ремнем, и кирзовых пропыленных сапогах с перевязанной головой и рукой, подвешенной на грязных бинтах, подошел к девушкам и взял Нину за локоть:

— Проходите, девушки, мы вам сейчас освободим место у самой печке, согреетесь, пока подадут поезд.

Глаза у казачек стали слезится от едкого дыма, из горла вырвался тяжёлый кашель, Анна с подружкой быстро выскочили на улицу, но и новый знакомый не отставал от них:

— Куда же вы, девчата, отдохните здесь, на воле довольно холодно.

— нет, мы лучше посидим здесь, на скамейке, мы одеты тепло, - ответила Нина.

— Тогда я с вами, - сказал боец, быстро сидел со скамейки насыпавшийся снег, - меня, кстати, зовут Толик, и я не женат, пока.

— Я Нина, а это Анна, меня ранило в руку, а её контузило, она плохо слышит, - со смущением ответила девушка, садясь на холодные доски.

— Во и хорошо, познакомились, а откуда вы такие красивые?

— Анна с Николаевской, а я с Романовской, тут рядом, станция Кизляр, по направлению военкомата приехали копать противотанковые рвы, но немцы сбросили на нас бомбы и нас ранило.

— Я пулеметчик, с Рязани, сержант, - он показал два красных треугольника в петлице, - мы держали оборону под Моздоком, дали немцу прикурить, но потом окоп накрыло минометом, меня контузило и ранило в руку, а все товарищи погибли, - Солдат достал из кармана бушлата правой рукой кист, и помогая левой, достал бумагу, нарезанную квадратиками, насыпал на неё табак и умело свернул, заклеил слюной, потом вставил в рот и прикурил от спички, которую также достал из кисета, пыхнул в сторону дымом и спрятал курительные принадлежности снова в карман.

— Вам не предлагаю, - сказал Толик, - вы все равно откажитесь.

— У нас никто на курит, отказалась Нина, только раненые фронтовики.

— На фронте все курят, даже женщины. Ты знаешь, Нина, война, грязное дело, и кто не курил, закурит, что - бы успокоить нервы.

Тут они услышали гудок паровоза, и его черная туша, окутываясь паром с красной звездой в передней части, свернула на первый путь. Паровоз тащил за собой пять деревянных вагонов – теплушек, двери первой и второй были открыты. В проёме первой стояла женщина лет сорока в солдатской папке – ушанке и белом в красных, кровавых пятнах халате, накинутом на полушубок:

— Тяжёлых грузите в первый вагон, легкие садятся во второй, - хриплым, прокуренным голосом прокричала она.

Солдаты быстро стали подавать раненых на носилках в открытый проем теплушки. Анна Нина, при помощи своего нового знакомого, поднялись во второй. Здесь погрузка закончилась быстрее, и солдаты закатили дверь, закрыв её на специальную задвижку.

В помещении стоял тяжёлый запах пота, крови и табака. Хотя курить было запрещено, но все равно от заядлых курильщиков исходил тяжёлый дух. На столе в центре вагона на столешнице стояла керосиновая лампа с толстым стеклом, она тусклым светом освещала помещение. Всюду на широких нарах в три этажа внизу сидели раненые бойцы, торой и третий яруса были заняты тяжёлыми, который стонали и бредили во сне. За столом сидели молодая девушка в белом халате и немолодой солдат, которому она перевязывала раненую руку, она на время оторвалась от своего занятия и сказала:

— Товарищи, пока располагайтесь кто где может, я всех осмотрю и тоже окажу медпомощь в порядке очереди.

— Пропустите девушек вперед, - попросил Анатолий, - мужчины могут потерпеть.

— Хорошо, - согласилась медик, - сейчас я закончу с этим бойцом и осмотрю вас, согласилась медик.

Солдаты освободили места на нарах рядом с печкой. Анна сначала разделась, потом помогла снять полушубок и Нине.

У мужчины, которого перевязывала фельдшер была повреждена сколком нога, ниже колена и голова, девушка быстро закончила свою работу. Вагон дернулся и медленно начал набирать ход, колеса застучали на стыках.

Сестричка собрала со столешницы окровавленный инструмент, отдала его стоящему радом помощнику, так4же легко раненому молодому солдатику, который положил их в специальный лоток из нержавеющей стали и поставил его на печь для кипячения, предварительно их хорошо вымыв, взаменг подал новый:

— Что у вас? – Спросила она у вновь прибывших.

За обеих ответила Нина:

— У подружки рана на голове и контузия, снаряд взорвался рядом, она плохо слышит, мне осколком разрезало руку.

— Хорошо, садись ты первая, - попросила медик.

Обработанному солдату помогли пересесть на нары другие легкораненые, на его место села Нина, длинный рукав её платья был разрезан.

У девушки из глаз выкатилась слеза, которую она быстро вытерла здоровой рукой.

— Ты чего плачешь, сильно болит? – Спросила сестричка.

— Платье жалко, - всхлипнула казачка, - совсем новое, я его только год как ношу.

— Ничего, отстираешь от крови и вновь, будет лучше, чем новое, - утешила девушка.

Под эти слова медик размотала повязку, закрывающую рангу, из нее вновь потекла кровь, которою та собрала чистой ваткой, потом достала иголку с ниткой из коробочки с инструментом и споро зашила порез, окончив операцию, замотала бинтом. Раненая только немного стонала от боли и морщилась.

После не заняла место и Анна, которую ещё быстрее перевязала, наложив всего три шва.

— Глухота и головокружение скоро пройдет, а от раны не останется и следа, - громко сказала медсестра, - необходимо продолжить лечение в госпитале, он находится в Астрахани.

— Нам нужно в Кизляр, - возразила Нина, - там есть хорошая больница, ведь мы родом из этого района.

— В Кизляре мы не останавливаемся. В Гудермесе стоим долго, пропускаем нефтяники из Баку, перегружаем тяжёлых посте операции из первого вагона. Вы мажете выйти там и искать попутку до Кизляра.

— Я на станции попрошу машиниста остановить состав там где надо, - вступил в разговор Анатолий.

Под мерный стук колес, девушки, облокотившись на стенку вагона, задремали, фельдшер всё продолжала свою работу.

Наконец состав дернулся на стрелке и стал медленно замедлятся, фыркнув паром остановился.

— Вот и Гудермес, - произнес Анатолий, одеваясь, - сейчас заодно принесу свежей воды, - он прихватил оцинкованное ведро, стоящее на печке, отодвинул дверь и скрылся в проеме.

Вскоре он вернулся, поставил на раскаленный металл ведро, который недовольно зашипел, поднимая пар из - под днища сосуда.

— Я обо всем договорился, паровоз остановится на нужной станции, - сказал, он пыхнув свежим запахом махорки.

— Спасибо, - поблагодарила Нина, - можно не зарывать дверь, пусть курят, кому можно.

— Можно, если сестричка разрешит, - солдат вопросительно посмотрел на медика, та только в ответ устало кивнула.

Солдаты тут же стели сворачивать цигарки и прикуривать, сизый дым потянулся к выходу. Вагон уже успел достаточно простыть, когда состав дернулся. Анатолий подождал, когда встречный ветер выдует остатки дыма и закатил створку назад. Было уже около трех часов, Кузнецова вновь задремала, проснулась она только тогда, когда поезд вновь заскрипел на стрелке. Её окончательно разбудила Нина:

— Просыпайся, уже скоро Кизляр.

Анна потянулась и чуть не упала с нар потом подхватила свои вещи и направилась к выходу, дверь вагона уже Анатолий откатил, паровоз медленно сбавлял ход. В пять часов утра здесь ещё было темно. Наконец вагон остановился.

Молодой солдат помог девушкам спустится на насыпь железной дороги, наскоро попрощались и состав вновь начал движение.

На станции было три нитки пути для разъезда поездов, но поезд приостановился на среднем, поэтому, что – бы им пройти к зданию вокзала нужно пересечь еще одну нитку и подняться на деревянный перрон. Пока они определялись, куда идти дальше, мимо них проходил какой – то мальчишка лет десяти с надвинутой на глаза фуражкой, заплатанной фуфайке подпоясанной веревкой, подвернутых длинных рукавах, и сапогах, подошва которых были привязаны проволокой. Проходя мимо, он неожиданно выхватил узелок из руки Нины и бросился между проходящими мимо составами. Сразу же за медицинским на станцию подтягивался другой, с нефтяными цистернами, и догнать воришку не было возможности. Когда мимо прошел последний вагон его уже и след простыл. Нина, закрыв лицо рукой, заплакала:

— Перестань, - утешала её подруга, у меня есть немного еды, и скоро будем уже дома.

— Ты, знаешь, там же у нас была бумага подтверждающая, что мы работали на противотанковых рвах.

— Неужели? – Удивилась Кузнецова, - тогда нам нужно идти в линейную милицию, отделение должно находиться в здании вокзала, там точно найдут воришку.

Они поднялись на перрон и вошли в здание, здесь по прежнему было безлюдно, на одной из дверей чернилами, толстым плакатным пером было написано: “ Комендант”, на другой: “Касса”, на третьей: “Милиция”. Девушки вошли в последнюю дверь. Здесь находились два милиционера – аварца. Один, седой сидел на стуле в зарешёченной комнате, рядом стоя стол, на нем зажжённая лампа, с закопченным, давно не чищенным стеклом и большой коробкой телефона, на блюстителях порядка была синяя форма с треугольниками сержанта в петлицах, густая с проседью борода, второй, молодой, рядовой, черноглазые с едва пробившемся пушком под горбатым носом лежал на нарах в открытой камере предварительного заключения, оба

милиционера смотрели с подозрением. Молодой, видимо, только что проснулся, его взор был ещё затуманен:

— Э… Что тебе надо, девочка? – на плохом русском спросил старший.

— Нас только что обокрали, - всхлипывая, пожаловалась Нина.

— Покажи, как такое случилось?

— Мы приехали на санитарном поезде со станции Стодеревская, вышли из вагона, налетел какой – то мальчишка т вырвал из руки узелок с продуктами и документами, и убежал между вагонами.

Пожилой аварец немного задумался.

— Вах, какой горе, тебе нужно идти в центр. Он займется твоим делом, эй, Арчил, возьми девушку и отведи её на место.

Молодой человек хорошо говорил по – русски и пояснил:

— Тебе нужно идти в районную милицию, там они занимаются мелким воровством, но они откроются только в восемь часов, так, что вам придется подождать в зале, - потом обратился к сержанту, - дядя Рашид, я провожу девушек и принесу кипятка для чая.

Арчил встал, застегнул гимнастерку на позеленевшие от времени пуговицы и подпоясался кожаным ремнем с коричневой кобурой, из которой выглядывала круглая рукоять нагана, поднял с пола и одел форменную фуражку, потом взял чайник у старшего милиционера и вышел в зал вокзала, девушки вышли вслед за ним. Печь здесь была обыкновенного русского типа: топка и поддувало с чугунными дверками, сверху стальная плита, рядом ведро с углем и несколько поленьев дров, здесь же на тумбочке большой жбан с краником для воды.

Милиционер набрал в чайник воды и поставил на плиту. Арчил косил черным глазом в сторону девушек, которые присели на стулья.

— Куда вы такие красивые направляетесь? – Спросил аварец.

Несмотря на то, что казачки знали, у некоторых народов Кавказа есть обычай сватать своих детей в младенческом возрасти, им все равно было приятно слышать комплимент:

— Мы местные, казачки из Николаевской, - ответила Нина.

Улыбка не время покинула лицо ухажёра, потом опять вернулась.

— Меня зовут Арчил, а тебя? – спросил он.

— Я Нина, а моя подружка Аня, её контузило, и она плохо слышит, - ответила Ладная.

Тут, сначала захрипел репродуктор, висящий на улице на столе, потом зазвучал Гимн Советского Союза, и после сигнала точного времени зазвучал голос Левитана:

,, — Товарищи, Московское время шесть часов, Сейчас передаём Сводку Сов информбюро. ,,

Дальше шли сведения о положении на фронте: ,, Наши войска под Сталинградом завершили окружение армии Паульса, освобождены населенные пункты, далее следовали перечисление сел, а Северном без изменений, на южном идут тяжёлые бои под Моздоком.,,

После официального сообщения прозвучал концерт песен в исполнении Зыкиной.

Анна стала уже немного слышать, только голова немного кружилась.

После того, как прослушали сводку с фронта, Арчил продолжил:

— Ну вот, уже шесть часов, мой отец в Арешевке пасет овец, он чабан, а меня дядя взял сюда, в милицию. Мы ловим бандитов и диверсантов на железной дороге.

Так за разговором незаметно пролетело время. Мимо вокзала в сторону Астрахани шли поезда с нефтью, а к фронту – гружённые техникой и солдатами.

Наконец, дядя Арчила приказал ему проводить девушек а районное отделение милиции. Прежде чем отправляться молодой милиционер отнес родственнику кипящий чайник с чаем, девушки посетили кирпичный, крытый шифером домик с одной стороны которого черной краской было написано: ,, М ,, , а с другой ,, Ж ,,.

Сам город был небольшим. Вокруг центра с ещё дореволюционными кирпичными зданиями был само строй с мазанными, выбеленными известью камышовыми хатами и небольшими содовыми домиками рядом.

В центре находилась небольшая площадь, мощенная камнем, вокруг которой расположены здания с вывесками: ,, Сельпо ,,, ,,Почта ,,, ,, Партком , ,,Администрация ,,, ,,Милиция ,,.

Молодые люди свернули к каменной лестнице ведущий на первый этаж здания, где расположились органы правопорядка. Арчил открыл тяжёлую створку, и вошел внутрь, вслед за ним казачки. Здесь также стоял устойчивый запах бараньего жира. За зарешёченным окном сидел дежурный в форме и лейтенантскими кубиками в петлицах, его возраст уже перевалил призывной, но волосы всё ещё били густыми и черными, гладко выбритые щеки и черные же усы, по всему это тоже был родственник Арчила.

— Вот, дядя Магомед, привел вам потерпевших.

— Что у тебя, девочка? – спросил милиционер с заметным кавказским акцентом.

— Нас обокрали на вокзале, - ответила Нина.

— Иди дальше по коридору, увидишь дверь ,, Следователь ,,, туда стучись.

Девушки прошли дальше по коридору, а Арчил остался сидеть на табуретке в коридоре, разговаривая с родственником, о чем – то по – аварски. Увидев искомую дверь Нина робко постучалась и после разрешения, девушки вошли в кабинет. Обстановка здесь не отличалась от кабинетов начальников средней руки: оббитый зеленым сукном большой двух тумбовый стол, на нем телефонный аппарат, настольная лампа, писчие принадлежности, бумага, свежие газеты, у стены большой шкаф с книгами классиков Марксизма – Ленинизма, металлический сейф, напротив большой портрет Сталина, несколько стульев у стола, вешалка в углу, на которой уже висела шинель хозяина кабинета. За столом сидит молодой человек в форме и с нашивками за ранения, кавказской наружности, горбатый нос, черные глаза внимательно смотрят на вошедших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.